

Кечжунская первая за зиму метель наконец утихла после полудня. Шэнь Яогуан, в черной фетровой шапке и небесно-голубом ватном халате, неспешно шла по длинной улице. Её темно-синие сапоги из оленьей кожи оставляли четкие следы на нетронутом снегу, и в этом незамысловатом занятии она находила своеобразную прелесть.

Проходя мимо лавки с готовой едой, она залюбовалась золотистой корочкой жареного гуся, от которого исходил дразнящий аромат. Не удержавшись, купила одну птицу — в подарок учителю. С гусем в одной руке и кувшином рисового вина в другой, она с легким сердцем направилась к переулку Баоцзи.

Едва дойдя до поворота, она увидела драку: двое рыжих котов ополчились на черного. Черный явно проигрывал: рыжие были крупными, упитанными — сразу видно, домашние. А вот их противник, весь в грязи и колючках, был типичным бродягой.

Вдруг один из рыжих бросился на черного. Тот попытался увернуться, но второй кот ловко полоснул его когтями по брюху. Черный издал пронзительный вопль. Отступив на пару шагов и выгнув спину, он с яростью прыгнул на обидчика, вцепившись зубами ему в горло. Второй рыжий тут же впился черному в спину, но тот, несмотря на боль, не разжимал челюстей.

Наблюдая за этой сценой, Шэнь Яогуан пробормотала себе под нос:

— А малыш-то злой и злопамятный.

Оглядевшись, она подобрала в куче хлама тонкую палку и, подойдя ближе, ткнула ею рыжего кота, терзавшего спину черного. Тот отпрянул, увидел палку и пустился наутек. Шэнь Яогуан усмехнулась:

— Ишь, какой хулиган, только слабых и умеет обижать.

Черный кот, услышав человеческий голос, от неожиданности разжал зубы. Получив свободу, второй рыжий стрелой улетел вглубь переулка. Черный тоже попытался бежать, но, серьезно раненый, проковылял пару шагов и повалился на бок, жалобно поскуливая и безуспешно пытаясь подняться.

Шэнь Яогуан подошла к нему и вздохнула:

— Ну что за бедняга.

Она присела и протянула руки, чтобы поднять его, но кот внезапно полоснул её когтями. Шэнь Яогуан инстинктивно отдернула руку:

— Ого! Маленький бедняга, а кусается. Хорошо, что я успеваю среагировать.

Кот, похоже, выбился из сил. Он лежал на земле, тяжело дыша и не шевелясь.

— Хе-хе, выдохся? Ну давай, кричи... Кричи, сколько хочешь, сегодня тебя никто не спасет. —

Шэнь Яогуан с лукавой усмешкой ухватила его за загривок. — Все равно ты теперь мой... хе-хе.

Прижимая к себе кота, с кувшином вина в одной руке и гусем, висящим на пальце другой, она запела песенку и дошла до школы боевых искусств своего учителя — хотя на деле это был обычный трехдворный дом.

Учитель никогда не запирает ворота. Шэнь Яогуан вошла, громко выкрикивая:

— Учитель! Учитель! Ваша послушная ученица пришла навестить вас! Учитель! Учитель! — с каждым разом её голос звучал все громче.

В ответ раздался густой, насмешливый голос:

— Твой учитель еще жив, прекрати вопить, будто душу из меня вытягиваешь!

Шэнь Яогуан хихикнула, прошла через передний двор в главный зал и увидела учителя, развалившегося в кресле-качалке с бутылкой вина в руке.

— Учитель, вы хоть честно выводите вино из организма внутренней силой?

Это было её главное условие для У Цзя: хочешь пить — пей, но после этого обязан использовать ци, иначе никакой организм не выдержит таких возлияний изо дня в день.

— Ой, вывожу, вывожу, нудная ты девчонка! — У Цзя нетерпеливо махнул рукой, но вдруг принялся. — Ха-ха, вот это другое дело! Моя хорошая ученица принесла выпивку и закуску. Не то что шестой — тот оболтус прибегает, только когда натворит дел.

Шэнь Яогуан оставила вино и гуся на столе и отправилась в западную комнату за мазью. Выдвигая ящик, она спросила:

— И что на этот раз натворил шестой брат?

У Цзя поднес кувшин к носу, глубоко вдохнул и восхищенно выдохнул:

— Хороша! — Он поспешно сорвал крышку, налил вина в чашку, залпом осушил её и с довольным чмоканьем воскликнул: — Истинный нектар!

Шэнь Яогуан, услышав его восторг, лишь беспомощно покачала головой:

— Учитель, так что с шестым братом?

У Цзя развернул бумажный сверток, оторвал гусиную ножку и с набитым ртом ответил:

— Да что... сорвал сделку своей матушки, вот и прибежал ко мне прятаться. Сейчас на заднем дворе спит — всю ночь где-то шляется.

Шэнь Яогуан, накладывая мазь на раны котенка, тяжело вздохнула:

— Когда же он возьмется за ум? Постоянно доводит наставницу...

Не успела она закончить, как У Цзя перебил её:

— Глупая девчонка, что ты мелешь? Не смей так называть её.

В этот момент черный кот от боли в ранах издал утробное урчание, и Шэнь Яогуан, оставив тему, сосредоточилась на лечении.

*

— Госпожа, барышня сейчас не принимает гостей, прошу вас, уходите, — Ханьсин, слегка склонившись, преградила путь.

Госпожа У холодно посмотрела на неё:

— А если я войду силой?

После той поспешной встречи у ворот поместья она больше не видела дочь. Раньше, когда та была в храме Юйцин, это еще можно было стерпеть, но теперь, когда дочь под боком, в поместье герцога, разве могла госпожа У оставаться в стороне?

Ханьсин окинула взглядом слуг, стоящих за спиной госпожи, и, отвесив вежливый, но твердый поклон, произнесла:

— Тогда мне придется забыть о приличиях, госпожа.

— Хорошо! Прекрасно! Юй-эр и правда завела себе верных псов. — Госпожа У, бледная от ярости, ледяным тоном скомандовать: — Взять её!

Слуги хором ответили согласием и уже было шагнули вперед, но окрик «Матушка!» заставил их замереть на месте.

Увидев Шэнь Яоюй, Ханьсин поклонилась и отошла в сторону.

Глаза госпожи У наполнились слезами при виде дочери — бледной, болезненной и такой слабой.

— Юй-эр, что с тобой? — она обернулась к няне Цэнь: — Живо зови лекаря!

— Не надо, — отрезала Шэнь Яоюй. — Я в порядке. Никого не звать.

Госпожа У хотела было схватить её за руки, чтобы осмотреть, но Шэнь Яоюй отстранилась.

— Матушка, вы меня увидели. А теперь уходите.

Видя такую холодность, госпожа У не сдержала слез:

— Юй-эр, я ведь просто хочу поговорить с тобой по-человечески.

— Поговорили. Увидели. Прошу, уходите. — Сказав это ледяным тоном, Шэнь Яоюй развернулась и пошла к дому. Ханьсин, проводив взглядом хозяйку, тут же захлопнула ворота.

С этим звуком двор Циньи словно отгородился от всего мира.

Госпожа У стояла перед закрытыми воротами, и казалось, тысячи невидимых клинков вонзились ей в сердце, не давая дышать. В голове всплывали обрывки воспоминаний, её собственное безумие:

— Видишь эту железную клетку? Здесь ты теперь будешь жить.

— Ах, всё же кровь не водица, руки так похожи. Береги их, если появится хоть царапина — будешь сечена колючей плетью.

— Я же сказала, что руки не должны быть повреждены! Ты что, не понимаешь? — она с остервенением хлестала плетью маленького мальчика.

Госпожа У смотрела на свои руки, и всё её тело била дрожь. Няня Цэнь, заметив её состояние, поспешно поддержала её и прошептала:

— Госпожа, здесь слишком много глаз. Уйдемте.

<http://bllate.org/book/21409/2184854>